

санием «декларации». Но советская сторона настояла на более обязательном документе.

Первые недели войны Майский оценивает излишне оптимистически, преувеличивает потери немцев на фронте. Но постепенно приходит ощущение огромной опасности, нависшей над страной. Необходимо получение помощи от Англии и США. Майский ведёт переговоры об этом с Черчиллем и Иденом, способствует поездке Г. Гопкинса в Москву в конце июля.

30 августа Майский получил послание Сталина, в котором положение на фронте характеризуется как крайне опасное, необходимо «расшевелить» англичан. Одновременно Сталин одобряет деятельность Майского. «Ваша беседа с Иденом о стратегии полностью отражает настроения советских людей. Я рад, что Вы так хорошо уловили эти настроения»³.

Посол рекомендует Сталину направить личное послание Черчиллю с оценкой ситуации на фронте и необходимой помощи. 4 сентября Майский записывает в Дневнике: «Моё предложение принято». Получено личное послание Сталина Черчиллю: «Твёрдый, ясный, беспощадный язык. Никаких иллюзий, никакой розовой водицы»⁴. Затем последовала беседа посла с Черчиллем, который пообещал оказать некоторую помощь оружием, но заявил: «В течение ближайших 6–7 недель вам может помочь только Бог, в которого вы не верите»⁵. 5 сентября отчёт о встрече с Черчиллем был направлен Сталину.

С этого времени переписка Сталина и Черчилля ведётся через Майского, который переводит текст посланий Сталина на английский язык, вручает его премьеру и наблюдает за непосредственной реакцией Черчилля на эти послания. У эмоционального премьера эта реакция была различной в зависимости от содержания и тона послания Сталина. Так, 11 ноября 1941 г. Майский вручил Черчиллю послание с упреками о недостаточности оказываемой помощи. «Премьера нельзя было узнать. Он был бледен как мел и тяжело дышал. Видно было, что он взбешён»⁶.

Октябрь 1941 г. – немцы под Москвой. Майский записывает в Дневнике: «...сильный рост тревоги во всех слоях населения – от Черчилля до последнего рабочего... Самым плохим днём был четверг 9 ноября. Газеты вышли с паническими аншлагами. Весь советский фронт, казалось, повалился, как карточный домик. Волна пессимизма высоко вспрыгнула в общественных кругах»⁷. Но есть и другая тенденция – «это колоссальный рост симпатий и сочувствия к СССР, особенно (но не исключительно) в низах». Член палаты общин Дж. Веджвуд писал Майскому: «Вы лично стали невероятно популярны в Англии. Ваши речи вдохновляют всех нас почти так же как речи самого Уинстона»⁸.

В эти первые месяцы войны у Майского складываются весьма доверительные отношения с Черчиллем, Иденом, Бивербруком, Криппсом. Уже в ноябре Бивербрук говорил советскому послу: «Я доверяю вам и делюсь с вами своими мыслями и чувствами. Но никто об этом не должен знать»⁹. В дальнейшем всё это обеспечит Майскому уникальное положение в дипломатическом мире Лондона.

В декабре 1941 г. под Москвой одержана первая большая победа. Советское руководство приглашает Идена в Москву для переговоров о расширении сотрудничества в военное и послевоенное время. Майскому предложено сопровождать британского министра.

16 декабря 1941 г. Иден прибыл в Москву, где начались трудные переговоры. Майский участвовал во всех четырёх встречах Сталина с Иденом. Этот сюжет полностью обойдён в Дневнике, лишь потом в мемуарах Майский отчасти расскажет об этом визите Идена и его беседах с советским лидером.

Сталин в ходе переговоров хотел получить согласие британского правительства на предвоенную западную границу СССР, кроме того, речь шла о геополитических изменениях в Европе после войны. Идену был представлен проект «Дополнительного протокола» к советско-британскому договору, в котором говорилось о послевоенной Европе (изменениях границ ряда стран, разделе Германии, репарациях). По мнению Идена, всё это выходило за рамки положений Атлантической хартии, требовало обсуждения с США, которые стали непосредственными участниками войны (7 декабря Япония напала на США, а 11 декабря Германия и Италия объявили Америке войну).

Дневник Майского за 1942 год характеризуется сокращением количества записей, фрагментарностью, конспективным стилем изложения. В первые месяцы 1942 года Майский пишет об обострении внутривосточной ситуации, пошатнувшемся положении правительства в связи с падением Сингапура, успехами Роммеля в Северной Африке, прорывом немецких линкоров в Северную Атлантику. 17 февраля на заседании палаты общин: «Черчилль выглядел плохо, был раздражён, обидчив, упрям... Встреча и проводы Черчилля были плохи»¹⁰.

В конце февраля проходит реорганизация правительства. Майский жалеет об уходе Бивербрука, но приветствует вхождение в состав правительства Криппса. 18 февраля он записывает: «Лично я за Черчилля как премьера. Надёжен: против Гитлера. Волевой: сам правит. Ни Криппс, ни Иден недостаточно сильны»¹¹.

Важный факт отмечает Майский в своих записях в марте 1942 г. Дело в том, что британское правительство после споров и дискуссий большин-

ством голосов членов кабинета приняло решение признать границы СССР 1941 г., на чём настаивал Сталин на переговорах с Иденом в Москве. 16 марта состоялась встреча советского посла с Черчиллем и Иденом. Черчилль говорил: «У меня с самого начала душа не лежала к признанию сейчас границы 1941 г., но так как Сталин на этом очень настаивал, я в конце концов согласился границу признать»¹². К этому Иден добавил, что американцы относятся отрицательно к признанию советской западной границы.

В мае 1942 г. в Лондон прибыл Молотов и начались переговоры, завершившиеся подписанием Договора двух стран о дружбе и сотрудничестве в военное и послевоенное время. Однако английская сторона отказалась от признания советской довоенной границы. Как известно, по указанию Сталина Молотов не стал настаивать на этом требовании и подписал текст, предложенный британским правительством. К сожалению, в Дневнике нет ни слова ни о визите Молотова, ни о ходе переговоров.

Летом 1942 г. резко ухудшается военная обстановка на Восточном фронте. Немцы рвутся к Волге и Северному Кавказу. В июле был разгромлен конвой RQ-17. Из 34 судов было потеряно 23. На дно ушли 430 танков, 250 самолётов и другая военная техника. Черчилль заявил о временном прекращении северных конвоев. Наступил самый напряжённый период в отношениях СССР с Англией и США.

После получения очередного жёсткого по тону послания Сталина, обвинявшего англичан в невыполнении своих обещаний, Черчилль было решил прекратить переписку с советским лидером. Майскому удалось в конечном счёте убедить Сталина, что Черчилль не заинтересован в поражении СССР и что на сговор с Германией он не пойдёт. Это предотвратило дальнейшее обострение отношений между двумя главами правительств.

В Дневнике Майского отсутствуют записи на период с 1 августа по 31 декабря. Публикаторы Дневника выражают осторожное мнение, что возможно эта часть Дневника просто утеряна. Так или иначе, но мы не имеем непосредственных записей Майского о ряде важных событий того времени и прежде всего о визите Черчилля в Москву в августе 1942 г.

Отчасти этот сюжет Майский освещает в своих мемуарах, опубликованных много лет спустя. Он пишет, что Черчилль надеялся, что посол будет его сопровождать. «Мне самому этого очень хотелось: так интересно было бы участвовать в столь знаменательном историческом событии, однако Москва предложила мне оставаться в Лондоне»¹³. Оставаясь в Лондоне, Майский намеревался хотя бы в какой-то заочной форме поучаствовать в переговорах в Москве. 7 августа он пишет Сталину, что поездка Черчилля обусловлена как внутривосточными причинами («чтобы укрепить положение прави-

тельства, успокоить массы»), так и внешнеполитическими (убедить Сталина, «что второй фронт в Европе в 1942 г. невозможен и нежелателен»). По его мнению, «наша позиция: а) единая стратегия союзников, б) второй фронт и др., особенно усиление снабжения СССР». Майский подчёркивал: «Было бы исключительно важно превратить визит Черчилля в Москву в исходную точку создания единой союзной стратегии»¹⁴.

Но Молотов отверг инициативу Майского и сделал ему соответствующее внушение. Нарком писал: «Предполагаемая Вами идея создания единой стратегии не обсуждалась. Мне кажется, вообще в данный период, когда воюем только мы, эта идея нам неприемлема. Вам не следует выдвигать эту идею перед англичанами. Такого рода указаний Вы от нас не получали и не могли получить»¹⁵.

Вместе с Черчиллем в Москву ехали советник посольства Новиков и генерал Исаев. 8 августа в Каире Черчилль беседовал с Новиковым и жаловался, что американцы не выполняют своих обязательств по присылке войск в Англию. Из Каира Новиков дал телеграмму в Москву: «Черчилль едет к нам с пустыми руками»¹⁶. Поэтому для Сталина не было неожиданностью заявление британского премьера о невозможности открытия второго фронта в Европе в текущем году.

Тем не менее, советская сторона выразила удовлетворение от итогов первой личной встречи Сталина и Черчилля. Молотов сообщал Майскому: «Хотя мы не добились от Черчилля удовлетворения по главному вопросу, всё же можно считать результаты удовлетворительными»¹⁷. Черчилль также считал свою поездку в Москву успешной.

Майский не знал, что в ходе последней встречи Сталина и Черчилля между ними произошёл обмен репликами по его адресу. Прощаясь, Черчилль заметил, что Майский – хороший посол. Согласившись с этим, Сталин добавил, что посол мог быть и лучше, он много говорит и не может держать язык за зубами. Любопытно, что эта фраза Сталина зафиксирована английским переводчиком Бирсом, в русском варианте записи встречи двух лидеров, сделанном переводчиком В. Павловым («по памяти»), этой фразы нет¹⁸. Не ясно, что могло явиться поводом для этого раздражённого высказывания. Во всяком случае, в этот период деятельность Майского как посла не вызывала каких-либо особых критических замечаний Москвы. Более того, в сентябре 1942 г. Майский будет награждён орденом Ленина за десятилетнюю работу послом в Лондоне. В октябре 1942 г. он удостоился похвалы Сталина, который написал Майскому в связи с его предложениями касательно политики СССР: «Ваши соображения получил. Я нашёл в них много интересного и поучительного. Ряд Ваших предложений совпадают с нашими мероприятиями»¹⁹.

В годы войны Майский часто выступал в различных аудиториях Лондона, отстаивая идею открытия второго фронта и увеличения помощи СССР поставками военных материалов. 30 июля 1942 г. он выступил перед депутатами британского парламента с речью, имевшей общественный резонанс. Частые официальные и неофициальные встречи с государственными деятелями Англии делают Майского «своим» в политических кругах Лондона. Британский историк Д. Дилкс пишет: «В Москве Криппса держали на коротком поводке. Он с трудом мог встретиться с Молотовым, не говоря уж о Сталине. Майский же вёл себя в Лондоне так, как едва ли позволили бы какому-либо другому дипломату»²⁰.

Меняется «тональность» разговоров Майского с британскими руководителями. 23 июля 1942 г. он записывает в Дневнике о разговоре с Черчиллем по поводу очередного послания Сталина, обидевшего британского премьера: «Бросьте думать о глупостях, – резко прервал я Черчилля»²¹. Такого тона в разговоре Криппса или его преемника Керра со Сталиным и представить невозможно.

11 января 1943 г. – встреча с Иденом. Майский выражает недовольство ослаблением бомбардировок Берлина. Иден оправдывается. Майский: «Мне нужны дела, а не слова». Иден: «Я приложу все усилия к тому, чтобы исполнить желания Сталина и Ваше». По поводу северных конвоев: «Я пожал плечами и сказал, что не могу признать объяснения Идена удовлетворительными»²².

1 февраля 1943 г.: «Иден пригласил меня к себе. Дал прочитать целую кучу шифровок от премьера и к премьеру в связи с его поездкой в Турцию»²³.

В конце марта 1943 г. Иден отправляется в США. Накануне отлёта состоялась его беседа с Майским, запись о которой имеется в его Дневнике. Иден говорил: «Я хочу иметь общее представление о том, что думают американцы по ряду интересующих нас проблем. Такова цель моего визита в США». Майский записывает: «Я одобрил линию Идена». Далее Майский менторским тоном высказывает своё мнение: «Сохранение и поддержание мира в послевоенной Европе мыслимо лишь в порядке общеевропейской организации (политической и военной) во главе с СССР и Англией. Ничто другое мира не может спасти». Иден смиренно отвечает: «Я очень благодарен Вам за эту беседу. Она мне сильно поможет при переговорах в Америке и вообще»²⁴.

Иден улетел в США. Майский с сожалением записывает в Дневнике: «Придётся обходиться без него. Это несколько неприятно: у меня с ним установлены хорошие отношения, и он мне много рассказывает. Мы также привыкли понимать друг друга с полуслова»²⁵.

Оказывается, рассуждения Майского имели определённые последствия. Иден сообщал о разговоре с президентом Рузвельтом: «Я изложил ему кое-что из того, что говорил мне Майский перед моим отъездом из Лондона, и он заметил, что дипломатические контакты его правительства с Россией, к несчастью, несравнимы с нашими. Литвинов занимает дома слишком слабую позицию, чтобы представлять какую-либо реальную ценность»²⁶.

В Москве также заинтересовались беседами Майского с Иденом до его отъезда в Америку и после возвращения. Послу пришлось написать подробное донесение об этом.

После победы под Сталинградом по-новому начинает звучать тема второго фронта. Хотя до его открытия оставалось ещё много месяцев, британское правительство, по мнению Майского, «ищет путей и методов для того, чтобы, с одной стороны, по возможности продолжать вести войну чужими (т.е. нашими) руками, а с другой стороны, обеспечить себе руководящую роль на мирной конференции и в послевоенный период». Поэтому второй фронт следует открыть «не слишком рано и не слишком поздно – вовремя»²⁷.

В дневниковых записях Майского за первую половину 1943 г. появляются две новые темы. Первая связана с разрывом отношений СССР с польским эмигрантским правительством. Лондон пытался помешать этому, поддерживая правительство Сикорского-Миколайчика. Вторая тема – размышления Майского о послевоенной Европе и о будущем Германии. Им была подготовлена специальная записка на имя Молотова «О желательных основах будущего мира»²⁸.

Но 28 июня 1943 г. Майский сообщил Идену о своём отзыве. Это решение Москвы явилось полной неожиданностью как для самого Майского, так и для британского правительства. Ещё в ноябре 1942 г. посол Керр говорил Молотову, что Майский завоевал в Лондоне положение, каким не пользовался никогда ни один посол никакой другой державы». «Майский в прекрасных отношениях с 45 млн. населения Англии». На что Молотов сухо ответил, что ему известно, что «Майский имеет прекрасные отношения с Черчиллем, Иденом и другими членами английского правительства»²⁹.

Сам Майский в своих мемуарах объясняет это решение как выражение недовольства советской стороной политикой Англии по затягиванию открытия второго фронта. Правда, в письме Молотову в июле 1943 г. он формулирует это более осторожно: недовольство политикой британского правительства не должно выглядеть как недовольство своим послом в

Лондоне, «если, конечно, такого недовольства в действительности не существует». Но такое «недовольство» имело место. Сталин говорил Ф. Гусеву, будущему послу в Англии: «Нам нужно отозвать посла Майского, который слишком оправдывает действия англичан, саботирующих открытие второго фронта в Европе»³⁰.

В Лондоне отзыв советского посла в разгар войны был воспринят плохо. «Мне это не нравится», – записывал А. Кадоган в своём дневнике³¹. Переводчик В. Павлов вспоминал: когда Молотов сообщил британскому послу Керру об отзыве Майского, тот был «буквально ошеломлен этим. Он начал превозносить Майского и чуть-чуть не сказал, что это может серьёзно отразиться на советско-английских отношениях»³². Действительно, Керр говорил: «Положение Майского в Лондоне во всех отношениях является уникальным... Перевод Майского из Лондона будет серьёзной потерей не только для Советского Союза, но и для англичан»³³.

14 сентября 1943 г., получив дарственный портрет от короля Георга VI, Майский навсегда покидает Англию. Завершился очередной этап его дипломатической карьеры. Он оказался самым плодотворным, ибо при участии посла удалось достичь значительного прогресса в англо-советских отношениях. Как отмечают авторы «Очерков истории МИД России», это стало возможным потому, что Майский и его британский коллега Криппс «были личностями идеологически незашоренными, инициативными и энергичными»³⁴.

Путешествие домой продолжалось сорок дней. В одном из писем он отмечал: «Англичане организовали моё путешествие через их территории или сферы влияния очень хорошо»³⁵.

Начинается новый этап в жизни и работе опытного советского дипломата.

Глава IV. НА ГЕРМАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ. 1943–1946 гг.

В дипломатической карьере Майского заключительным этапом явилась работа в центральном аппарате НКВД в качестве заместителя наркома, которому была поручена разработка репарационной программы СССР.

28 июля 1943 г. Майский был назначен заместителем наркома. Принимая его, Молотов говорил: «Вам будет поручена проблема репараций. Вы станете во главе специальной комиссии по этому вопросу, которая будет утверждена, и вместе с комиссией подготовите программу репарационных требований, которые СССР выдвинет на мирной конференции»¹.

Осенью 1943 г., когда произошёл коренной перелом в войне, правительство СССР начало подготовку к мирной конференции. При НКВД были созданы Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства (председатель М.М. Литвинов), Комиссия по вопросам перемирия (председатель К.Е. Ворошилов) и Комиссия по возмещению ущерба, нанесённого Советскому Союзу гитлеровской Германией и её союзниками (председатель И.М. Майский). Среди этих комиссий, как отмечают исследователи, главное место заняла Комиссия Ворошилова, что было обусловлено не только местом в партийно-правительственной иерархии её председателя или тем, что многие её решения утверждались лично Сталиным, но и тем, что её рекомендации носили реалистический характер, что в своей работе она исходила, как пишут авторы «Очерков истории Министерства иностранных дел России», из принципов «сохранения единства германского государства и сохранения союзнического единства». Деятельность же комиссий Литвинова и Майского в значительной степени характеризовалась, как утверждают те же авторы, «академическим характером» и «оторванностью от текущей дипломатической практики»².

В Комиссии Майского были представлены АН СССР (Е.С. Варга), Госплан (В.В. Кузнецов, М.З. Сабуров, И.М. Силуянов), НКВД (Е.И. Бабарин, Г.И. Аркадьев). Однако отсутствие протоколов заседаний Комиссии не даёт возможность оценить вклад каждого её члена в работу. Все многочисленные записки и справки идут за подписью одного Майского.

Прибыв из Лондона, Майский энергично принялся за порученное дело. 24 ноября 1943 г. состоялось первое заседание Комиссии, а 28 ноября Майский доложил Молотову о начале работы.

Необходимо отметить, что начинала свою работу Комиссия Майского не на пустом месте. Уже имелись некоторые наработки по репарационным проблемам и в Москве, и в союзных государствах. В октябре 1943 г. в Москве состоялось совещание министров иностранных дел СССР, США и Англии. К этому совещанию НКВД подготовил проект предложений по проблеме репараций (не поставленный на обсуждение). В этом документе говорилось: «...от Германии необходимо потребовать репарации и реституции или возмещение причинённого ущерба, в частности, путём вывоза из Германии фабрично-заводского оборудования, передачи пострадавшим странам части германского флота, а также предоставление Германией рабочей силы для восстановления разрушенных сёл и городов»³.

Ещё до начала работы Комиссии Майского Литвинов, оставаясь в должности посла в Вашингтоне, докладывал Молотову, что в США и Англии пришли к выводу, что денежные репарации не имеют смысла, необходимы реституции и компенсации промышленным оборудованием и машинами. При этом Литвинов рекомендовал наркомку, чтобы СССР не афишировал выдвижения слишком жёстких требований к Германии, предоставив инициативу правительствам США и Англии. «Это нужно для того, чтобы нам не приписывались инициативы тех крайних мероприятий, к которым придётся прибегать в обращении с Германией». Несколько позднее Литвинов подчёркивал: «Нельзя прямо ставить вопрос о лишении Германии промышленности. Это должно делаться под прикрытием разоружения и репараций. Результат будет тот же: аграризация Германии»⁴.

С этими материалами Майский был ознакомлен, но у него уже сложилась собственная концепция решения репарационного вопроса. В январе 1944 г. он писал Молотову, что ещё в Лондоне он много думал о будущем мира и будущем Германии. Действительно в его Дневнике имеется запись от 5 января 1943 г. касательно будущего Германии: «Раздробление Германии на ряд более или менее независимых государств..., экономическая децентрализация, т.е. индустриальное разоружение Германии..., репарации. Мы должны требовать ещё одной формы репараций – германского труда... Пусть немцы восстановят нам сделанные ими разрушения, немецкий труд должен быть организован по военному, немцы должны жить в концлагерях и не получать совсем или получать в ничтожном размере зарплату»⁵.

В последующем Майский практически не изменил своего репрессивного подхода в решении репарационного вопроса. Так, в Записке Молотову от 3 марта 1944 г. подчёркивалось: «Взять с Германии и её союзников всё, что может быть взято, за вычетом «голодного минимума». Дела-

ется упор на использовании принудительного труда. «Труд должен мыслиться как принудительная повинность. Германия и её сателлиты должны давать СССР определённое количество рабочих единиц, которые в форме чего-то вроде трудовой армии под командованием НКВД будут выполнять предписанные им задания»⁶.

Трудно представить реальность реализации подобного проекта, но Майский ещё не раз будет выдвигать подобные идеи насильственного труда миллионов немцев, предлагая создание некоего «нового ГУЛАГа». Авторы «Очерков истории Министерства иностранных дел России» отмечают, что руководство НКВД, как правило, критически относилось к «чрезмерному карательному уклону» в позиции Майского, особенно из-за сильного акцента на использовании насильственного труда как формы репараций⁷.

Разработка репарационной программы в Комиссии Майского прошла несколько этапов. Первый охватывает период с конца 1943 г. до Крымской конференции глав трёх великих держав в феврале 1945 г. На протяжении всего этого периода Комиссия работала по трём основным направлениям: 1) определение суммы репараций, 2) составление программы репарационных требований, 3) методы реализации этой программы⁸.

На имя Молотова направлялись многочисленные записки, содержавшие большой цифровой материал, носивший в значительной степени абстрактно-умозрительный характер и оказавшийся невостребованным в практической работе. Составители сборника «СССР и германский вопрос. 1941–1949» отмечают важный факт: «В АВПРФ нет подтверждения того, что документы по вопросу о репарациях утверждались руководством СССР»⁹.

Первой в ряду этих записок была 27-страничная Записка от 11 января 1944 г. «О желательных основах будущего мира», представлявшая размышления Майского об устройстве мира и Европы. Публикация этого документа в 1995 г. дала основание отечественным и зарубежным авторам сделать вывод, что Майский выступает здесь «большим сталинистом», чем Сталин.

Действительно, автор представляет обширные геополитические рассуждения относительно расширения территории СССР по всему периметру его от границы от Норвегии до Китая. Не вдаваясь в обсуждение всего этого, следует лишь отметить ошибочный вывод, который делает Майский относительно возможности сближения СССР и Англии в послевоенные годы. Преувеличивая степень англо-американских противоречий, он пишет, что «логика вещей должна будет всё больше толкать Ан-

глию в сторону СССР», что СССР «будет заинтересован в сохранении Англии как могущественной державы..., ибо такая Англия может нам понадобиться для балансирования перед лицом империалистической экспансии США». Странный вывод для человека, около десяти лет проработавшего в Лондоне и не «заметившего» формирования «особых отношений» двух англо-саксонских держав. До речи Черчилля в Фултоне оставалось всего два года.

Что касается проблемы германских репараций, относившейся непосредственно к компетенции Майского, то здесь лаконично фиксировалась жёсткая позиция. «Германия после войны должна быть оккупирована союзниками на срок не менее десяти лет, раздроблена на несколько более или менее независимых государств и подвергнута тройному разоружению – военному, индустриальному и идеологическому. На Германию должны быть наложены тяжёлые репарационные платежи (в том числе трудом), а преступники войны подвергнуты суровому наказанию»¹⁰.

Хотя копии этой Записки были разосланы Сталину, Ворошилову, Микояну, Берии, Литвинову, Деканозову, работавший в архивах А.М. Филитов констатировал: «...мне не удалось найти каких-либо следов реакции высшего руководства на Записку Майского от 11 января 1944 г.»¹¹.

Карательный подход к судьбам немецкого народа, отражённый в предложениях Майского, был совершенно неперспективен в послевоенном планировании внешней политики СССР. Он никак не встраивался в общий курс политики стран антифашистской коалиции, направленной на восстановление демократии в Европе, превращение Германии в миролюбивое государство.

Но Комиссия Майского продолжала разрабатывать всё более детальные планы экономического разоружения Германии. 28 июля 1944 г. на имя Молотова был представлен документ «Основные линии репарационной программы СССР» («Записка № 1»). Здесь, по словам Майского, формулировались «принципиальные и методологические основы», на которых Комиссия строила свою работу. На страницах Записки приводится большой статистический материал об экономическом потенциале Германии, её экономических возможностях, взятый из статистических сборников или рассчитанный экспертами. Указывались основные формы репараций: изъятия промышленного оборудования, товарные поставки, принудительный труд. Доказывалось, что тяжёлая промышленность Германии после войны должна быть сохранена в объёме 25% довоенного уровня. «Невоенные» группы промышленности сокращались до 80% довоенного уровня. «Прожиточный минимум» для немцев должен был со-

ставлять 50% довоенного уровня. Предполагалось изъятие из сельского хозяйства Германии 1,2 млн. лошадей, 4 млн. голов крупного рогатого скота, 4 млн. свиней¹².

Затем последовала «Записка № 2» от 29 августа 1944 г. объёмом 62 стр., ещё более детализирующая экономические аспекты требований к Германии.

В октябре 1944 г. состоялся визит Черчилля в Москву. Вопрос о репарациях в ходе переговоров Сталина и Черчилля специально не обсуждался. Но информируя посла в Лондоне Гусева об итогах переговоров, Вышинский сообщал, что Черчилль и Иден «считают вполне законными наши требования к Германии в отношении репараций»¹³.

11 декабря 1944 г. Молотов вызвал Майского и попросил назвать конкретную цифру репараций. Так появилась 15 декабря Записка «Какую цифру репарационных требований следует выдвигать Советскому Союзу?» («Записка № 3»). В этом документе Майский утверждал, что национальное богатство Германии к концу 1944 г. составляет 90 млрд. долларов против 125 млрд. долларов перед войной. Поэтому СССР вправе требовать 10 млрд. долларов, а лучше 12 млрд. для «уступки» западным странам. «Репарационное использование германского труда сюда, конечно, не включается»¹⁴. Но у Сталина, мыслящего более рационально, было другое мнение: сумма репараций должна составлять 5 млрд. долларов. Информацию эту сообщили Майскому, и он 19 декабря направил письмо вождю. В этом письме отмечалось: «Названная Вами цифра 5 млрд. долларов представляется мне слишком маленькой... При сумме в 5 млрд. долларов военный потенциал Германии окажется мало затронутым и её экономическое разоружение будет мало эффективным. Необходимо не менее 10 млрд. долларов». 25 января Сталин и Молотов приняли Майского. После этой встречи он записывал: «По-видимому, мои возражения против 5 млрд. репараций возымели своё действие. Не знаю, окончательно ли. Посмотрим»¹⁵.

Советское руководство впервые решило обсудить проблему репараций с союзниками на Крымской конференции глав трёх великих держав. Накануне конференции Майский получил указание подготовить конкретные предложения по репарациям. Во исполнение этого указания он в конце января 1945 г. представил Молотову проект документа «Формула по репарациям с Германии», где перечислялись основные формы репараций, в т.ч. 5 млн. человек должны были ежегодно трудиться в СССР, Германия лишалась 75% своей тяжёлой промышленности. Новым был пункт о том, что предприятия собственно военной промышленности рассматривались как военные трофеи и не входили в репарации¹⁶.

Но «Формула», как и другие разработки Комиссии Майского, не была утверждена руководством страны. Поэтому Майский, встречаясь с американским послом Гарриманом накануне Крымской конференции, был вынужден «уклоняться от ответа» на прямые вопросы о сумме репараций, сроках выплаты, количестве германских рабочих¹⁷.

Крымская конференция (1–11 февраля 1945 г.) явилась большим успехом для Майского как разработчика советской репарационной программы. Он был членом советской делегации и выступил на пленарном заседании с докладом о репарациях. События развивались следующим образом. 5 февраля на пленарном заседании Сталин предложил обсудить вопрос о репарациях. Поддержав это предложение, Рузвельт поинтересовался проблемой использования немецкой рабочей силы. Сталин ответил, что у СССР «имеется план материальных репараций. К обсуждению же вопроса об использовании германской рабочей силы Советское правительство пока ещё не готово»¹⁸. С этого времени в советских документах некоторое время ещё используется термин «немецкая рабочая сила», но уже без всякой конкретизации.

Для самого Майского работа конференции началась с неприятного инцидента. Майского не предупредили, что он должен будет на первом заседании конференции присутствовать и переводить Сталину. Вот как он сам повествует об этом. «Когда я сел за стол рядом со Сталиным на втором заседании, Сталин раздражённо обратился ко мне: «Почему Вы не явились на первое заседание?» Я ответил, что не был извещён о необходимости моего присутствия на этом заседании. Сталин ворчливо продолжал: «Не был извещён? Как не был извещён? Вы просто не дисциплинированы... Своевольничаете. Разные там ленд-лизы по своему усмотрению устраиваете»¹⁹.

Далее события развивались следующим образом. В своём Дневнике Майский записывает: «Сталин ещё не видел моей «Формулы». Да и сам Молотов при мне начал было читать, но на половине не дочитал». Но когда Черчилль спросил о материальных репарациях, произошло следующее. «Тут Сталин повернулся ко мне и несколько небрежно бросил «Докладывайте...». – «Но Вы же не видели моей «Формулы». – «Ничего, докладывайте... только не касайтесь вопроса о труде». Молотов спросил, какую цифру назвать: пять или десять? «Десять», – ответил Сталин»²⁰.

Далее Майский, выступая на английском языке, изложил основные положения советской репарационной программы. Она предполагала взимание репараций натурой (единовременные изъятия промышленного оборудования на протяжении 2 лет и товарные поставки в счёт репараций на протяжении 10 лет), экономическое разоружение Германии и ликви-

дацию военной промышленности; строгий контроль трёх держав над экономикой Германии на протяжении 10 лет; право СССР на получение reparаций в сумме 10 млрд. долларов; создание в Москве Межсоюзной репарационной комиссии²¹.

Отвечая Рузвельту и Черчиллю, Майский подчёркивал, что СССР против превращения Германии в голодную, раздетую страну, что предъявляемые требования вполне посильны для Германии, которая «имеет все шансы построить свою послевоенную экономику на основе расширения сельского хозяйства и лёгкой индустрии»²².

7 февраля Молотов вручил Стеттиниусу и Идену краткий меморандум, в котором декларировалась общая сумма reparаций в 20 млрд. долларов, распределявшихся следующим образом: СССР – 10 млрд., Великобритания и США – 8 млрд., остальные страны – 2 млрд. долларов. Предполагалось учредить Межсоюзную репарационную комиссию (МРК) из представителей трёх стран, которая должна была работать в Москве²³.

При обсуждении репарационных проблем главами делегаций Рузвельт высказался за принятие цифр, названных Майским, как «основы» для дальнейших переговоров. Черчилль высказался против. Он заявил: «Что касается русского плана reparаций, то для его рассмотрения требуется время. Он не может быть принят немедленно»²⁴.

В Протоколе Ялтинской конференции фиксировалось создание Межсоюзной репарационной комиссии (МРК) в Москве. Советская и американская делегации согласились принять в качестве базы для обсуждения в МРК сумму reparаций в 20 млрд. долларов (50% этой суммы для СССР). По мнению британской делегации, пока не могут быть названы никакие цифры reparаций²⁵.

Так завершился первый этап деятельности Майского как разработчика советской репарационной программы. Сам он считал его вполне успешным. В частном письме А.М. Коллонтай от 9 марта 1945 г. Майский с удовлетворением констатировал: «Конференция приняла все те основные установки по этому вопросу, которые были разработаны в моей Комиссии по возмещению ущерба»²⁶.

Однако, как показали дальнейшие события, оптимизм Майского был сильно завышен. Сразу же возникли вопросы: насколько обоснованы были предлагаемые Майским расчеты суммы reparаций? Такие вопросы ставили не только западные эксперты, но и те сотрудники советской военной администрации в Германии, кому практически пришлось заниматься reparациями. Так, М.И. Семиряга задавался вопросом, из какого расчета исходил Майский, называя 10 млрд. долларов?²⁷ Назначенный заместителем по экономике Главноначальствующего СВАГ К.И. Коваль

перед отъездом в Германию в начале мая 1945 г. спросил у Майского: «...есть ли в НКВД какие-либо холодные расчеты, обосновывающие запрошенный размер репараций в 10 млрд. долларов? Однако «холодного расчета» по размеру германских репараций я не получил». Майский лишь сказал, что общий ущерб СССР от войны с Германией исчислен в 128 млрд. долларов. Запрошенные 10 млрд. составляют 1/12 ущерба²⁸.

Но главное было в другом. Весной 1945 г. существенно меняется международная обстановка. Приближение окончания войны серьезно осложняет отношения между союзниками. Уже 28 марта Гарриман пишет о «пугающем повороте в наших отношениях с Советским правительством после Крымской конференции»²⁹. После смерти президента Рузвельта администрация Трумэна, поддерживаемая Черчиллем, берёт жёсткий курс политики в отношении СССР.

Второй этап в деятельности Майского как руководителя разработки советской репарационной программы охватывает время от Ялты до Потсдама. Теперь ему приходилось действовать в составе Межсоюзной репарационной комиссии (МРК), пытаясь убедить своих американских и британских коллег принять советские предложения. Период это оказался для Майского трудным и малоудачным. В связи с выходом союзных войск на территорию Германии сама проблема репараций из абстрактно-теоретической обретает практическое значение. В СССР создаются новые структуры, вне рамок НКВД, которые должны были действовать на территории Германии, оккупированной советскими войсками. В феврале 1945 г. было создано Главное трофейное управление Наркомата обороны во главе с генералом Ф. Вахитовым. Затем был учреждён вневедомственный Особый комитет при Государственном Комитете Обороны во главе с Маленковым. В состав Особого комитета входили Н.А. Булганин, Н.А. Вознесенский, А.В. Хрулев, Ф.И. Вахитов, его задача сводилась к координации деятельности по демонтажу предприятий на территории Германии, занятой советскими войсками. На первом заседании Особого комитета в начале мая 1945 г. Маленков приказал К.И. Ковалю: «...демонтаж намеченных предприятий для репараций в Восточной Германии, включая все секторы Берлина, разворачивайте немедленно»³⁰. Из Берлина нужно было до прихода англо-американских войск вывезти всё ценное промышленное оборудование.

По официальным данным, к 9 мая 1945 г. в СССР было отгружено из Германии 48 тыс. вагонов или около 550 тыс. тонн оборудования и материальных ценностей примерной стоимостью около 203 млн. долларов (это результат деятельности Главного трофейного управления). К 8 июля 1945 г. было вывезено или намечено к вывозу в СССР (включая отгру-

женное до 9 мая) около 4 млн. тонн стоимостью примерно 1480 млн. долларов³¹. Не следует думать, что подобные действия характерны лишь для советской стороны. Американские и английские войска, покидая советскую зону оккупации, вывозили сотни вагонов материальных ценностей.

В этих условиях, когда демонтаж оборудования и вывоз его в СССР в счёт трофеев обретает первенствующее значение, деятельность Комиссии Майского и самой МРК оказывается на периферии внимания советского руководства. Работа МРК разворачивалась очень медленно, поскольку США и Великобритания явно саботировали выполнение ялтинских решений. Майский был назначен советским представителем в МРК 14 марта, а её первое заседание состоялось лишь 21 июня 1945 г. Более трёх месяцев по дипломатическим каналам шло урегулирование вопросов, выдвигаемых англо-американской стороной в связи с предстоящей работой МРК. Не спешили союзники с назначением своих представителей в МРК. 9 апреля 1945 г. Гарриман в беседе с Вышинским пообещал, что американские и британские представители придут в Москву к 1 мая, но при этом предложил включить Францию в состав МРК, что не предусматривалось ялтинской формулой. В обещанный срок в Москву никто не прибыл. Лишь 30 апреля поверенный в делах США Дж. Кеннан сообщил Майскому, что Э Поули назначен членом МРК в ранге посла, а И. Любин в ранге посланника будет помощником Поули³².

7 мая находившийся в Сан-Франциско Молотов принял Гарримана и Поули. Гарриман снова поднял вопрос о приглашении Франции в МРК, Поули предложил перевести МРК из Москвы в Германию. Всё это нарушало ялтинский формат МРК и было Молотовым отвергнуто. Американцы высказали претензии в связи с вывозом из Германии оборудования и имущества до подписания соглашения о репарациях, утверждая, что США ничего не вывозят до достижения «общего соглашения о репарациях». Молотов отмахнулся: «Это мелкий вопрос, который может быть урегулирован, как только Репарационная комиссия приступит к работе»³³.

В середине мая американцы предложили совместную поездку членов МРК по промышленным областям Германии для того, чтобы представить реальную ситуацию в экономике побеждённой страны. По указанию Молотова Майский не стал участвовать в этом проекте. Тогда же в разговоре с Кеннаном Майский предложил включить в состав МРК наряду с Францией представителей Польши и Югославии как наиболее пострадавших от немецкой оккупации. Американцы это отвергли.

В конечном счёте была достигнута договорённость о начале работы МРК в трёхстороннем варианте, как было установлено на Ялтинской конференции. 12 июня Майский впервые встретился в Москве с Э Поули

и И. Любиным. Первоначальное впечатление об американских представителях у него сложилось положительное. «Мой общий вывод из разговора с Поули и Любиным сводится к тому, что намерения у них неплохие (особенно у Любина, который настроен, видимо советофильски)». Некоторую сдержанность американцев он объяснял тем, что они «пока не хотят связывать себе руки». Сложнее будет с англичанами, отмечал Майский. «Мне представляется, что с английской стороны будет больше оппозиции против наших намерений, чем с американской»³⁴.

Наконец, 18 июня в Москву прибыл британский представитель в МРК У. Монктон. 21 июня на первом официальном заседании МРК был образован руководящий комитет в составе: от СССР – Майский и Сабуров, от США – Э Поули и И. Любин, от Великобритании – У. Монктон и Д. Уэйли. Советская комиссия по возмещению ущерба, возглавляемая Майским, была преобразована в советскую часть МРК. Можно было начинать работу.

Майский внёс на рассмотрение МРК документ «Основные линии плана репараций с Германии», в котором повторил основные положения, высказанные им на Крымской конференции (общая сумма репараций 20 млрд. долларов, на долю СССР – 10 млрд. долларов). Но западные представители обсуждать это не стали, ссылаясь на недостаточную обоснованность.

2 июля Майский направил Записку Молотову, в которой предлагал искать компромисс на переговорах в МРК и пойти навстречу американцам в некоторых вопросах. Он подчёркивал, что «американцы и англичане очень желают к свиданию Трёх подготовить какие-либо предложения по репарационному вопросу». Майский предлагал: «Принять предложение Поули о подготовке к свиданию Трёх проекта решений по вопросам о распределении репараций, о сроках и формах привлечения малых наций и о создании механизма для срочных изъятий в счёт репараций»³⁵.

Ответа на свои предложения Майский не получил, хотя 9 июля у Молотова состоялось совещание с участием Маленкова, Берии, Вознесенского, на котором было принято решение предложить союзникам, чтобы две трети репараций шли за счёт изъятий из национального богатства Германии (перечислялись категории изъятий) и одна треть – за счёт товарных поставок. Это был новый пункт советской программы, и предполагалось представить этот документ в МРК, но по каким-то причинам этого сделано не было³⁶.

Переговоры в МРК зашли в тупик. Инициативная роль переходит к американскому представителю Поули. 3 июля он заявил об отказе США от признания общей суммы репараций в 20 млрд. долларов. 12 июля он же предлагает проект соглашения о процентном распределении общей суммы репараций: СССР – 56%, Великобритания – 22%, США – 22%, при этом каждая из трёх держав выделяет определённую долю другим странам – получателям репараций³⁷.

13 июля состоялось последнее заседание МРК. Не приняв никакого решения, участники МРК отправились на Берлинскую конференцию глав трёх великих держав. Майскому так и не удалось повернуть работу МРК в сторону учёта интересов СССР.

Заключительным этапом деятельности Майского на германском направлении явилась Берлинская (Потсдамская) конференция, работавшая с 17 июля по 2 августа 1945 г. Майский был членом советской делегации, но выступить ему удалось лишь на заседании Экономической комиссии, где он пытался защищать советскую репарационную программу.

Первоначально правительство СССР не предполагало ставить на обсуждение в Потсдаме репарационный вопрос. Только 7 июля Молотов сообщил Гарриману о желательности обсуждения проблем репараций на встрече лидеров трёх стран. В перечне вопросов, которые советская сторона предполагала к обсуждению на Потсдамской конференции, «репарации» значились на пятом месте из 15 пунктов³⁸.

Но фактически на конференции этот вопрос оказался одним из главных, и советской стороне пришлось пойти на серьёзные уступки западным странам по репарационной проблеме.

23 июля на неофициальной встрече с Молотовым госсекретарь США Дж. Бирнс предложил перейти к зональному принципу взимания репараций: каждая страна удовлетворяет свои репарационные претензии за счёт своей зоны оккупации. Зональный принцип получения репараций был невыгоден СССР. Зоны оккупации были определены в сентябре 1944 г. на заседании Европейской консультативной комиссии (ЕКК). По словам К.И. Коваля, советская зона «располагала крайне плохими экономическими предпосылками для обеспечения жизненного уровня населения и самостоятельного существования. Она не имела, кроме бурого угля и калийных полей, никаких экономических ресурсов и фактически лишена тяжёлой промышленности и её инфраструктуры». Вся территория Восточной Германии была ареной ожесточённых боёв и имела большие разрушения³⁹.

24 июля в Экономической комиссии эксперты обсуждали этот вопрос. Майский, ссылаясь на оценки академика Е. Варги, выступил против

предложения Бирнса, доказывая, что лишь 30% движимого имущества Германии находится в советской зоне. Он направляет специальную записку Молотову, в которой утверждает, что зональный принцип получения репараций во всяком случае не может быть распространён на ежегодные товарные поставки в счёт репараций «ввиду относительной бедности нашей зоны». Товарные поставки в счёт репараций необходимо проводить «не по зонам, а во всегерманском масштабе»⁴⁰.

27 июля на совещании министров иностранных дел Бирнс заявил, что США отвергают сумму репараций в 20 млрд. долларов, ссылаясь на большие разрушения Германии в ходе войны. Молотов, заявив, что «считает работу Комиссии по репарациям неудовлетворительной», согласился на сокращение суммы репараций. «Мы не настаиваем на ялтинских цифрах»⁴¹.

29 июля состоялась встреча Молотова с президентом Трумэнном (Сталин был болен). Обсуждался вопрос о возможности получения СССР репараций из западных зон. Молотов ещё раз заверил американцев, что советская сторона отказывается от цифр, указанных в ялтинских решениях. Трумэн, на которого произвели некоторое впечатление аргументы о «бедности» советской зоны, согласился на то, чтобы СССР получил 25% предназначенного для репараций промышленного оборудования из Рурской области⁴².

Заключительное обсуждение репарационных проблем состоялось 31 июля на заседании глав трёх делегаций. Начиная обсуждение, Сталин заявил: «Главный вопрос, который вызывает споры и разногласия, – это вопрос о репарациях с Германии». Далее, демонстрируя готовность к уступкам, он подтвердил, что советская сторона «отказалась от выставления определённых цифр и количества и перешла на проценты». Сталин согласился с американским планом о зональных изъятиях и с тем, чтобы Контрольный Совет определил количество оборудования для репараций и для мирного развития германской экономики⁴³.

США и Великобритания связывали репарационный вопрос с вопросом о западной границе Польши, признания которой добивался СССР, и принятии ряда государств в ООН. Получив уступку советской стороны в вопросе о репарациях, западные страны согласились на границу Польши по Одру и Нейсе.

Ирония судьбы: в упомянутой ранее Записке от 11 января 1944 г. Майский подчёркивал: «Мы не заинтересованы в рождении слишком большой и слишком сильной Польши», на конференции в Потсдаме именно из-за создания «большой и сильной» Польши Сталин и Молотов пошли на уступки в репарационной программе, которую разрабатывали Майский и его коллеги.

В принятом 1 августа 1945 г. Протоколе Берлинской конференции фиксировались следующие уступки СССР в репарационном вопросе: общая сумма репараций не определялась; закреплялся зональный принцип получения репараций (СССР мог дополнительно получить 15% промышленного оборудования, выделенного для репараций из западных зон, в обмен на поставки продовольствия и сырья из советской зоны и 10% оборудования – без оплаты); СССР отказывался от акций промышленных предприятий в западных зонах, от заграничных активов Германии (кроме германских активов в Болгарии, Финляндии, Румынии, Венгрии и восточной Австрии), а также от претензий на захваченное союзниками немецкое золото.

Важным был пункт Протокола, по которому решение конкретных вопросов изъятия промышленного оборудования для репараций передавалось Контрольному Совету. Он должен был в срок до шести месяцев определить количество и характер оборудования, подлежащего изъятию в счёт репараций⁴⁴. Вскоре Советское правительство согласилось на включение представителей Франции в МРК и перевод самой МРК из Москвы в Берлин.

Отступление было фактически по всем позициям. Тем не менее, советское руководство сочло достигнутый компромисс удовлетворительным. Молотов в циркулярном письме советским дипломатам за рубежом писал: «Можно считать, что принятое на Берлинской конференции решение по репарационному вопросу представляет шаг вперёд»⁴⁵.

Однако К.И. Коваль, которому пришлось на практике до 1950 г. заниматься репарационными делами, имел другое мнение. В своих воспоминаниях он писал: «До сих пор трудно понять, как могли Сталин, Молотов, Майский, не утвердив в решениях конференции союзных держав в Потсдаме размер репараций для СССР, включая Польшу, в 10 млрд. долларов, согласиться с переносом в Контрольный Совет такого важного и сложного международного вопроса по итогам второй войны, каким является вопрос о возмещении ущерба, нанесённого СССР и его народу – репарациях»⁴⁶.

Конечно, основная доля вины за провал советского репарационного плана ложится на Сталина и Молотова, которые, по словам того же К.И. Ковалю, «в борьбе за выигрыш в политических играх принесли в жертву разорение СССР». Но, видимо, своя доля ответственности падает и на Майского, которому не удалось выработать такую схему решения проблемы репараций, которая учитывала бы и материальные интересы СССР, и реалии послевоенной Европы.

Вскоре после окончания Потсдамской конференции разрешился давно назревавший конфликт между Майским и Молотовым. 9 августа 1945 г.

последний в присутствии Вышинского обвинил Майского в «хвостизме» перед Поули, в том, что оно плохо отстаивал в МРК интересы СССР. Майский был освобождён от обязанностей руководителя советской части МРК, на его место был назначен заведующий Вторым европейским отделом НКВД К.В. Новиков⁴⁷.

После своей отставки с поста в МРК Майский ещё несколько месяцев числился в НКВД в ранге заместителя наркома, выполняя разовые поручения, а фактически являясь «безработным». 22 марта 1946 г. он записал в Дневнике: «Моё положение в НКВД в течение нынешней зимы было ненормальное. Со времени освобождения меня от представительства в МРК 9 августа... у меня не было никакой работы в НКВД. Я несколько раз обращался к наркому, прося дать мне работу (последний раз я обращался письменно 28 февраля), но безуспешно». 26 марта при личной встрече Молотов маловразумительно объяснял причины отставки Майского: «Был пассивен в писании и не вошёл в практическую работу НКВД, и по репарациям оказался «слабоват»⁴⁸.

В марте 1946 г. происходит преобразование НКВД в МИД, Майского уже нет в числе заместителей министра. Правда, 23 апреля его вводят в состав Коллегии МИД. Оставшись фактически без определённой работы в МИДе, Майский пишет Молотову: «В создавшейся ситуации я вижу для себя один выход – избрания меня действительным членом АН СССР... Прошу дать указание общественным организациям МИД выдвинуть мою кандидатуру»⁴⁹. Но решение вопроса зависело не от Молотова, требовалась санкция Сталина.

Видный дипломат того времени В.С. Семёнов оказался невольным свидетелем разговора Сталина и Молотова о судьбе Майского. Сталин с очевидным раздражением спрашивал: «Куда его (Майского) девать?». Молотов: «Он просится в Академию наук». Сталин: «Что именно он написал?» Молотов: «Несколько мелких работ по английскому рабочему движению»⁵⁰.

3 мая 1946 г. сам Майский пишет Сталину: «...в настоящее время, пожалуй, наиболее рациональное использование моих сил было бы в АН СССР, где я мог бы специализироваться на истории международных отношений и мировой политики эпохи войн и революций, т.е. в основном в XX веке»⁵¹. Согласие было получено, и 19 июня 1946 г. Учёный совет МГИМО выдвинул кандидатуру Майского в академики АН СССР.

Характеризуя свой «научный багаж» перед избранием в академики, Майский писал Г.Ф. Александрову, тогда зав. отделом пропаганды ЦК ВКП(б): «Наиболее научная книга «Современная Монголия» и, пожалуй,

«Происхождение капиталистической Японии». Остальное – публицистика и политика»⁵².

Выборы состоялись 30 ноября 1946 г. Это было большое пополнение Академии наук после войны. Но по специальности «история» было избрано лишь два человека: Майский и Минц.

7 января 1947 г. Майский был освобождён от обязанностей члена Коллегии МИД «ввиду перехода на другую работу». Тогда же, в январе 1947 г., он был выведен из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б), куда был избран ещё на XVIII партконференции в 1941 г. Одновременно с Майским из состава кандидатов в члены ЦК был выведен Г.К. Жуков.

Так завершилась долгая дипломатическая карьера Майского. Ему было 63 года, он проживёт ещё почти тридцать лет, будет вести научно-педагогическую деятельность, напишет мемуары, принесшие ему известность в стране и за рубежом.

Глава 5. «ОСЕНЬ ПАТРИАРХА»: И.М. МАЙСКИЙ И ЕГО МЕМУАРЫ. 1947–1975 гг.

Оставив дипломатическое поприще, Майский теперь занимается научно-педагогической работой. У него большие планы. Будучи зачислен старшим научным сотрудником в Институт истории АН СССР, он уже в январе 1947 г. пишет директору Института академику Б.Д. Грекову, что основным направлением его научной работы будет тема «Внешняя политика Великобритании между двумя мировыми войнами (1918–1939 гг.), и предлагает создать специальный сектор истории международных отношений с 18 штатными единицами научных сотрудников.

С 1948/49 учебного года он читает лекции в МГУ по истории Испании, ведёт занятия в ВДШ и ВПШ. Майский начинает работу над книгой «Испанская война. 1936–1939 гг.», но она вызвала критические замечания Д. Ибаррури и не была окончена.

Однако всё это было прервано неожиданным арестом и последующими годами заключения и долгой реабилитации. Все обстоятельства, связанные с этими событиями, до сих пор остаются запутанными и непонятными.

Официальная версия, изложенная самим Майским, гласит следующее. 19 февраля 1953 г. Майский был арестован на основании показаний К.Е. Зинченко, бывшего сотрудника посольства в Лондоне, обвинённого в шпионаже. Майского обвинили в шпионаже и измене Родине (статья 58 УК РСФСР). На первом допросе он отказался признать предъявленные ему обвинения, но затем признал, что с 1925 г. работал на английскую разведку.

После смерти Сталина и Майский, и Зинченко отказались от своих признаний как полученных незаконными методами следствия. 27 марта 1953 г. в стране была проведена широкая амнистия, под которую Майский не попал. В августе 1953 г. он был переведён в Бутырскую тюрьму, где и встретил своё 70-летие.

Шли годы, в стране менялась общественно-политическая обстановка, наступила «оттепель», но Майский продолжал сидеть в одиночной камере Бутырской тюрьмы. Следствие продолжалось два с половиной года. Военная коллегия Верховного суда рассматривала дело Майского с 28 мая по 13 июня 1955 г. Обвинение в измене Родине (ст. 58) было снято, и Майского осудили за злоупотребление служебным положением (ст. 109 УК РСФСР) на 6 лет высылки без поражения в правах. Обвинение по

этой статье подпадало под амнистию 1953 г., но к Майскому она не была применена. Дело в том, что Президиум Верховного Совета СССР 11 июня 1955 г. специальным указом изъяс Майского из-под действия амнистии 27 марта 1953 г. Майский с возмущением писал: «Мне неизвестно и непонятно, почему это было сделано. Если бы амнистия 1953 года, как то полагалось по закону, была ко мне применена, то моё дело было бы прекращено и я был бы реабилитирован»¹.

Суть самого обвинения сводилась к следующему. В 1941 г. Майский неофициальным путём получил фотоплёнку с текстом проекта «Белой книги» МИД Англии, посвящённой англо-советским переговорам в 1939 г., и не отправил её в Москву, а хранил в личном архиве. Там она и была обнаружена при обыске. Майский объяснял это тем, что хотел проявить плёнку и прочитать текст, но впоследствии забыл об этом и свой личный архив не разбирал.

В письме Хрущёву по этому поводу Майский писал: «Я не читал её сам, но по аналогии с другими английскими «Белыми книгами» думаю, что в основном она состояла из переписки Галифакса с послом в Москве Сиидсом по вопросам тройственных переговоров». Имела ли она актуальное политическое значение? Нет, не имела, ибо «она так и осталась неопубликованной». Странно, «что история с микроплёнкой «Белой книги» могла сыграть роль единственного (единственного!) основания для вынесения мне обвинительного приговора»².

Действительно, это событие могло быть расценено, в крайнем случае, как служебное упущение. Тем более что председатель Верховного суда СССР А.Ф. Горкин полагал, что отсутствует состав преступления, вопреки мнению Генерального прокурора Р.А. Руденко, поддержавшего обвинение.

Через полтора месяца после вынесения обвинительного приговора Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил просьбу Майского о помиловании и освободил от наказания. 2 августа 1955 г. Майский пишет своему другу режиссёру Завадскому: «Я вновь вернулся домой»³. начинается борьба за реабилитацию и восстановление доброго имени. 20 марта 1957 г. Майский восстановлен в КПСС с сохранением партийного стажа с 1921 г., в августе 1960 г. вопрос о реабилитации Майского рассматривался в Отделе административных органов КПСС. И наконец 20 сентября 1960 г. Президиум ЦК КПСС постановил «признать целесообразным прекратить судебное дело Майского И.М.»⁴.

Возникает вопрос: почему процесс реабилитации видного дипломата, академика затянулся на столь долгое время, почему он решался на столь высоком уровне?

Свою версию этих событий в сентябре 1976 г., уже после смерти Майского дал Молотов. В разговоре с Ф. Чуевым он рассуждал следующим образом. Майский был арестован за две недели до смерти Сталина. «По указанию Сталина? Конечно. И сидел – уже Хрущёв был. Вроде был замешан в деле Берии. Он рассказывал, что Берия хотел его завербовать и использовать. После смерти Сталина он вызвал Майского и предложил ему быть информатором, и тот как будто отказался...». Ф. Чуев: «Запад говорит, что Берия в своём правительстве после переворота хотел назначить его министром иностранных дел». Молотов: «Я этого не исключая... Согласие Майского наверно было... я так думаю. Когда взяли Берию, копнули и Майского»⁵.

Сходная версия выдвигалась и генералом П. Судоплатовым. По его словам, Берия указал ему на Майского как на фигуру «идеальную и важную для того, чтобы осуществить зондаж наших новых инициатив на Западе. Он мог завязать личные контакты на высоком уровне, чтобы проводить нашу резко изменившуюся после смерти Сталина политику». Когда арестовали Берию, Майский, к которому Маленков и Молотов относились плохо, был обвинён в сговоре с Берией с целью стать при нём министром иностранных дел.

На собственном судебном процессе Судоплатова Генеральный прокурор Р.А. Руденко требовал у него показаний о привлечении Берией Майского «для установления тайных контактов с Черчиллем»⁶.

Так или иначе, но арест, суд и долгая реабилитация явились для Майского тяжёлой морально-психологической травмой, оказавшей влияние на всю оставшуюся жизнь. Начинать приходилось всё сначала.

Он пишет декану исторического факультета МГУ А.В. Арциховскому с просьбой зачислить его на ½ ставки на кафедру новой истории, обращается к учёному секретарю АН СССР А.В. Топчиеву с просьбой выделить для него ставку старшего научного сотрудника в Институте истории. Но зачисление на работу затягивалось. 1 декабря 1955 г. он вынужден был обратиться в ЦК КПСС: «Я вышел из тюрьмы с горячим желанием принести максимум пользы советскому государству... Однако все мои попытки вернуться в Институт истории и в МГУ, где я работал до ареста, кончились неудачей... В результате вот уже четыре месяца как я хожу без работы и без зарплаты в полной неизвестности о своём будущем»⁷.

Главным делом своей жизни после освобождения Майский считал написание воспоминаний о своём прошлом. Ещё накануне войны он записывал в Дневнике, что последние 10 лет его жизни «должны бы быть посвящены подведению итогов... написанию моих мемуаров. Ибо собы-

тия моей жизни (по крайней мере, до сих пор) были действительно подобны яркому и увлекательному роману... Я чувствовал бы, что не выполнил своего долга перед будущим историком, если бы ушёл из жизни, не оставив такого «человеческого документа», каким являлись бы мои воспоминания»⁸.

Приступая к написанию своих мемуаров, Майский утверждает, что считает своим образцом «Былое и думы» А.И. Герцена. В письме Хрущёву от 15 июля 1958 г. он писал: «Величайшим образцом мемуарной литературы считается «Былое и думы» Герцена. По мере моих скромных сил и с учётом разницы в эпохах я стараюсь следовать этому примеру»⁹. Но это была не более чем фраза. «Былое и думы» писал свободный человек в свободной стране. Майский жил и работал в стране, где было заидеологизировано всё и вся. Поэтому не случайна его оговорка о «разнице в эпохах».

Во главу угла при написании своих текстов Майский ставит задачу участия в идеологической борьбе с буржуазной идеологией. Что в конечном счёте определит характер и значимость его мемуаров. В письме вице-президенту АН СССР П.Н. Федосееву он писал: «Мои воспоминания дипломатического характера имеют большую актуальность как оружие нашей контрпропаганды против исторических фальсификаций Запада»¹⁰.

Но начинается затяжная, отнявшая много сил и времени борьба за возвращение личного архива, конфискованного при аресте, за доступ к дипломатическим документам, в т.ч. его собственному Дневнику. 26 сентября 1955 г. Майский пишет начальнику Историко-дипломатического управления МИД В.М. Хвостову: «...я уже лет 30 назад решил написать на склоне лет свои мемуары. Под этим углом зрения на протяжении многих лет я собирал материалы (в том числе и наркоминдельские), которые в своё время могли бы послужить опорой для моей памяти. С этой целью я вёл в Лондоне дневник... Я крайне заинтересован в возможности использовать для указанной работы ту часть архива, которая должна поступить в МИД СССР»¹¹.

В своём ответе В.М. Хвостов подтвердил, что личные бумаги Майского переданы в Архивное управление МИД. Как ни странно, но именно МИД будет выступать главным оппонентом Майского при подготовке к публикации им своих мемуаров. В январе 1957 г. Президиум ЦК КПСС рассматривал вопрос о переиздании «Истории дипломатии» и «Дипломатического словаря». Майский входил в состав редакционного комитета первого издания «Дипломатического словаря», но теперь, по предложению тогдашнего министра иностранных дел Д.Т. Шепилова, Президиум ЦК КПСС решил не включать Майского в состав редколлегии «Диплома-

тического словаря», ибо он осуждён судом за злоупотребление служебным положением и не реабилитирован, а лишь помилован в порядке частной амнистии»¹². Члены Президиума Ворошилов и Микоян, давно и хорошо знавшие Майского, к сожалению, не выступили в его защиту.

Опубликованные письма Майского дают представление о том, какие огромные усилия потребовались для получения возможности опубликовать свои мемуары. В том же 1957 г. министром иностранных дел становится А.А. Громыко, с которым у Майского начинается долгая и нудная переписка по вопросу допуска к дипломатическим документам и собственному Дневнику. К отставному дипломату относятся пренебрежительно, нередко не удостоивая ответа либо отказывая без объяснения причин. Всё это завершилось для Майского инфарктом и месяцами пребывания на больничной койке.

25 ноября 1959 г. он пишет довольно резкое письмо лично министру. В нём говорилось, что в Архиве внешней политики РФ работает много исследователей. «Почему же МИД проявляет такую странную дискриминацию в отношении меня?» И далее: «Я не думаю, чтобы у лиц, решивших отказать мне в моей просьбе, было сознательное намерение помешать мне написать мемуары. Но, откровенно говоря, поведение МИД в данном вопросе создаёт впечатление, что у него имеется именно такое намерение»¹³. Последствий это не имело, и в декабре Майский жалуется в письме К. Федину: «Вот уже почти год я веду по этому поводу переписку с Громыко, но воз и ныне там. Вот с какими странными трудностями приходится встречаться мемуаристу-дипломату»¹⁴.

Отстаивая своё право на написание мемуаров, Майский всячески подчёркивает их пропагандистское значение. В письме зам. министра Г.Н. Зарубину он писал: «Публикация моих воспоминаний имела бы полезное для нас пропагандистское значение на Западе, особенно в США и Англии. На страницах моих воспоминаний они прочитали бы о нашей оценке политической ситуации 30-х годов, увидели бы наше изображение государственных людей той эпохи, наше описание тогдашних событий... И всё это было бы преподнесено в наиболее доходчивой для западного читателя мемуарно-полубеллетристической форме»¹⁵.

Ничего не помогало. Майский вынужден апеллировать к высшему руководству партии и страны. В октябре 1960 г. он информирует Хрущёва, что в МИД «считают, что допускать к архивам т. Майского нецелесообразно»¹⁶. Впрочем, это касалось не одного Майского. В МИДе был установлен режим строжайшей секретности. Даже при подготовке томов «Документов внешней политики СССР», которые стали публиковаться в

эти годы, не все члены редколлегии тома имели доступ ко всем документам, относящимся к периоду данного тома.

Только в мае 1964 г. Майский получил возможность читать Дневник и делать из него выписки.

Отдельная тема – это история издания мемуарных книг Майского. Публикация каждой из них стоила автору затраты многих сил и нервов. В письме Н.С. Тихонову в январе 1960 г. он писал: «В 1944 году я выпустил небольшую книжку «Перед бурей» (опубликована с личного согласия Сталина. – *Б.Ж.*). Позднее я написал воспоминания о лондонской политической эмиграции 1912–1917 гг., которые я тщетно в течение трёх лет пытаюсь опубликовать. Я закончил также первый том моих дипломатических мемуаров, о появлении которых в печати сейчас трудно и мечтать»¹⁷.

Рукопись книги о лондонской эмиграции, получившая название «Путешествие в прошлое», сначала была в Гослитиздате, затем её передали в Соцэкгиз (где она лежала около года) и наконец опубликовали в 1960 г. В рукописи находили «серьёзные недостатки и ошибки», которые сводились к слабому показу роли Ленина и большевиков. Автору приходилось дорабатывать текст.

Собственно «дипломатические» мемуары Майского включают шесть книг и около 20 журнальных публикаций. По первоначальному замыслу автор предполагал публикацию в 3 томах (т. I : 1932–1934 гг., т. II : 1932–1941 гг., т. III : 1941–1943 гг.). Воспоминания охватывали только лондонский период деятельности автора, небольшое исключение – Ялтинская конференция.

Первый том был закончен в июле 1958 г. Майский пишет Хрущёву: «Мне кажется, что мне удалось создать книгу, которая, будучи глубоко советской по содержанию, имеет шансы найти дорогу к довольно широкой аудитории за рубежом». При этом многозначительно добавляет: «Разумеется, по усмотрению ЦК я готов внести в текст те или иные изменения»¹⁸. Такой подход автора к своим воспоминаниям вряд ли шёл на пользу объективности изложения материала. Но и это не помогло. В декабре 1958 г. в Отделе пропаганды и агитации ЦК Майскому сообщили, что «решено пока воздержаться от публикации воспоминаний. Мотивы этого решения мне сказаны не были»¹⁹. Только вмешательство Микояна в сентябре 1959 г. сдвинуло дело с места. Он обратился к М.А. Суслову с предложением опубликовать ту часть воспоминаний Майского, где речь шла об англо-советских торговых переговорах 1932–1934 гг. По указанию секретаря ЦК Е.А. Фурцевой Отдел пропаганды и агитации санкционировал публикацию только тех глав, где речь шла о ходе переговоров

по торговому договору, «исключив другие воспоминания, не имеющие прямой связи со служебной деятельностью автора»²⁰. В итоге вместо рукописи объёмом 642 стр. в 1960 г. появилась книга «Воспоминания советского посла в Англии» объёмом 144 стр. О чём шла речь в выпущенных разделах рукописи, Майский в своей переписке не упоминает.

Непростой была история с публикацией следующей книги Майского из серии дипломатических мемуаров – «Кто помогал Гитлеру» (первое название «СССР был прав!»), имевшей наиболее широкий резонанс. Исходным импульсом к созданию этой книги послужила дискуссия на конференции советских и британских историков в сентябре 1960 г., где некоторые английские историки утверждали, что именно СССР был виновником срыва тройственных переговоров. Как отмечал сам Майский, «Я решил написать воспоминания об этом периоде. Так появилась книга «Кто помогал Гитлеру»²¹.

Работая над рукописью, Майский снова обратился в МИД с просьбой разрешить пользоваться дипломатической перепиской, но снова получил отказ. «Не допускаются к служебной переписке лица, не имеющие к ней непосредственного отношения», – говорилось в ответе²².

Опираясь на свои воспоминания, публикации документов в зарубежных странах, Майский в июне 1961 г. закончил работу над рукописью. Он пишет Хрущёву: «В результате получилось произведение, которое, как мне кажется, может служить полезным оружием в нашей идеологической борьбе с Западом... Именно этот боевой характер работы (при её внешне спокойной «тональности») даёт мне смелость посвятить её XXII съезду КПСС»²³.

Тогда же, в июне 1961 г. рукопись книги была передана Суслову, который передал её в МИД для подготовки заключения. В отзыве МИД говорилось о следующих недостатках работы Майского: 1) явное преувеличение личного участия автора в осуществлении внешней политики СССР; 2) упоминание без необходимости имени Молотова; 3) рассуждения автора о конъюнктурности внешней политики СССР и переделе сфер влияния между СССР и Германией; 4) показ Черчилля как гениального политика»²⁴. Автору рекомендовали шире использовать оценочные формулировки из «Истории КПСС».

Очевидно, Майским были внесены какие-то изменения и поправки. Во всяком случае, в опубликованной книге фамилия Молотова упоминается всего пять раз, причём четыре раза она упоминается в цитируемых документах. Вскоре такая же судьба постигнет Хрущёва: в IV томе «Истории дипломатии» президент США Кеннеди будет переписываться с

анонимным Председателем Совета министров СССР. Таковы были политические нравы.

Но ситуация с публикацией книги оставалась неопределённой. Майский в письме к К. Федину жалуется: «Книга «Кто помогал Гитлеру» разрешена к печатанию ЦК, и тем не менее вот уже больше года тянется процесс опубликования 12 п.л., преодолевая всевозможные препятствия, нагромождаемые различными перестраховщиками. Подумать только: вот уже 2 месяца над книгой колдует Главлит!»²⁵.

Опубликованная в 1962 г. книга «Кто помогал Гитлеру» вызвала большой интерес в стране и за рубежом. Она была переведена на 12 иностранных языков, вызвала массу отзывов. А.Ф. Ротштейн, переводивший на английский язык книгу Майского, писал из Лондона 30 марта 1964 г.: «Книга вызвала, по отзывам массы людей, первоклассный шум. Никто не помнит такого «шока» и такой армии защитников Чемберлена, явно потрясённых до глубины души»²⁶. Такой резонанс понятен: было живо ещё немало людей, активно участвовавших в событиях предвоенных лет, в условиях холодной войны идеологическая борьба приобретала ожесточённый характер.

По подсчётам самого Майского, в британской прессе появилось около пятидесяти откликов на его книгу. Из них около десяти (коммунисты и левые лейбористы) носили положительный характер, остальные сорок отзывов делились на «враждебные» и «компромиссные». «Враждебные» отклики печатались в газетах «Дейли телеграф», «Файнэншл таймс», «Йоркшир пост», «Санди таймс» и др. Так, журнал «Спектейтор» писал: «Данная книга не имеет никакой ценности и только вводит читателя в заблуждение». «Компромиссные» оценки появлялись в «Таймс», «Обсервер», Би-Би-Си, «Ньюстейтсмен» и др. В них утверждалось, что политика Чемберлена действительно была плохой, но плохой была и политика СССР»²⁷.

На страницах «Таймс» развернулась дискуссия между Майским и видными английскими историками У. Медликоттом и Л. Вудвардом, утверждавшими, что в развязывании второй мировой войны в равной степени виноваты и СССР, и англо-французский блок. 12 марта и 7 апреля 1964 г. Майский опубликовал в газете свои письма по этому поводу.

Подводя итог спорам по поводу его книги за рубежом, автор писал: «Бурная реакция в Англии на книгу «Кто помогал Гитлеру» свидетельствует о том, что наш контрудар против злостной легенды о поведении СССР накануне второй мировой войны явно попал в цель»²⁸.

В том же 1962 г. была опубликована небольшая книга Майского «Испанские тетради», переведённая на английский и испанские языки. В ней

автор повествует о деятельности Комитета по невмешательству в дела Испании в 1936–1939 гг., где он представлял советскую сторону»

В 1964 г. Майский издаёт «Воспоминания советского посла» в 2 книгах. Кн. 1 : Путешествие в прошлое (переиздание книги 1960 г.) и кн. 2 : Мир или война? В этом же году Майскому наконец-то разрешают использовать его Дневник, хранившийся АВП СССР, и делать из него выписки. Это положительно сказалось на изданной в 1965 г. книге «Воспоминания советского посла. Война 1939–1941», более интересной по содержанию и написанной с литературным блеском. Книга была переведена на восемь иностранных языков и встретила положительные оценки. Газета «Таймс» отмечала: «Мистер Майский находится вне конкуренции, его мемуары достойны, чтобы их читали и перечитывали». «Обсервер»: «Его мемуары хорошо написаны и великолепно переведены»²⁹.

Но здесь Майского ждал совершенно неожиданный удар. Выступая на XXIII съезде КПСС 30 марта 1966 г., первый секретарь компартии Грузии Мжаванадзе отрицательно отозвался о последней книге мемуаров Майского. Трудно сказать, кто и почему вставил в текст речи Мжаванадзе абзац с критической оценкой этой книги. Грузинский деятель говорил об искажении истории авторами мемуарной литературы: «Некоторые из них, принимаясь за свои воспоминания, озабочены не столько тем, чтобы написать историю, сколько тем, чтобы показать себя в истории, увековечить своё имя. В качестве примера можно назвать вышедшую в конце прошлого года книгу Майского «Воспоминания советского посла»³⁰.

Конечно, упоминание его фамилии на съезде партии в негативном контексте было неприятным событием для Майского. Приходилось оправдываться. Но сделал он это с большим достоинством. В письме, направленном 21 апреля 1966 г. в Политбюро ЦК КПСС, он стремился показать значимость мемуарной литературы в идеологической борьбе и подчёркивал правдивость своих воспоминаний.

Майский писал: «Будучи историком, я хорошо знаю, какую большую историческую ценность представляют мемуары современников прошлых событий... И мне хотелось оставить историкам будущего человеческий документ о важных событиях прошлой эпохи. Ещё большее значение имеет желание ударить по различным антисоветским фальсификациям о войне. Я хорошо знаю, что до сердца западного читателя особенно доходчива мемуарная литература, да ещё живо написанная, и это было ещё одним веским аргументом в пользу того, чтобы облечь мою контрпропаганду в форму воспоминаний». Он подчёркивал: «...мои воспоминания основаны на точных фактах и документах (конечно, в мемуарной форме)»³¹.

Осенью 1968 г. восемь академиков АН СССР обратились к Брежневу и Косыгину с просьбой издать в полном трёхтомном варианте воспоминания Майского. В ответе руководителей государства говорилось о нецелесообразности нового издания после публикаций 1964 и 1965 гг. По этому поводу Майский пишет Громько: «В связи с моим 85-летием было намечено издать три тома моих воспоминаний. Однако кто-то всё время ставит тут палки в колёса. Кто именно, пока не знаю... Прошу Вас оказать содействие в освобождении пути для издания моих мемуаров»³².

В конечном счёте было решено «после длительных согласований в МИДе и Главлите» выпустить однотомник мемуаров Майского «Воспоминания советского дипломата. Война 1925–1945», который и был опубликован в 1971 г. (второе издание этой книги вышло в 1987 г.).

В начале 70-х гг. выходят последние прижизненные издания мемуарных произведений Майского. В 1972 г. Агентство печати «Новости» выпустило для зарубежных читателей на семи иностранных языках брошюру «Мюнхенская драма», а в 1973 г. была опубликована книга «Люди. События. Факты», содержащая воспоминания автора о Чичерине, Литвинове, Ротштейне, Красине, Коллонтай, Довгалеvском, Трояновском.

Майский работал над своими воспоминаниями до последних дней жизни. Его последний замысел состоял в намерении написать книгу о Черчилле и его окружении. В письме академику-секретарю Отделения исторических наук АН СССР от 10 сентября 1974 г. он писал, что работа о Черчилле – «это мои личные воспоминания о Винстоне Черчилле, сложившиеся на протяжении десятка лет (канун и развязывание второй мировой войны) от близкого и разнообразного контакта с Черчиллем... Такого случая вообще не бывало в истории нашей дипломатии, и собранные тогда сведения могут иметь политическое и историческое значение»³³.

Работа шла успешно, и Майский опубликовал мемуарные зарисовки «Черчилль и его окружение (фрагменты из воспоминаний)» в журнале³⁴. Как оказалось, это была последняя публикация. Но с опубликованием всей книги возникли новые сложности. Кто-то, как отмечал ранее Майский, действительно «вставлял палки в колёса» публикации 90-летнего мемуариста. Ему приходилось снова и снова доказывать своё право на публикацию воспоминаний и значимость этого для страны.

5 июля 1975 г. Майский обращается к вице-президенту АН СССР П.Н. Федосееву – издательство «Наука» «совершенно неожиданно и по непонятным мне причинам сняло принятое к изданию в текущем году моё последнее произведение «Воспоминания о Черчилле, его окружении

и времени... Мне сейчас 91 год, и в течение последних пяти лет я упорно работал над своей последней книгой».

Далее он пишет, что его книга является «уникальной», поскольку основана на многолетних личных взаимоотношениях автора с британским премьером и подтверждает возможность сотрудничества государств с различным социально-экономическим строем. Заканчивается обращение к вице-премьеру воплем отчаяния: «...посоветуйте, как защитить мне книгу»³⁵.

Ответа на своё обращение 90-летний академик не дождался, и через два месяца И.М. Майский скончался.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В своих устных воспоминаниях, записанных Ф. Чуевым, Молотов утверждал: «У нас централизованная дипломатия. Послы никакой самостоятельности не имели. И не могли иметь... Роль наших дипломатов, послов была ограничена сознательно... Дипломатия у нас была неплохая. Но в ней решающую роль сыграл Сталин, а не какой-нибудь дипломат»¹.

Так и было. Поэтому совершенно неправомерно рассуждать о том, что снятие Литвинова с поста наркома иностранных дел в мае 1939 г. было связано с тем, что он якобы проводил свою политику по вопросам европейской безопасности с опорой на Англию и Францию. Была одна «сталинская» внешняя политика, которая менялась с изменением приоритетов.

Тем не менее, не следует абсолютизировать высказывания Молотова. Послы были разные. С одной стороны, были дипломаты типа А.А. Шкварцева, полпреда в Германии в 1939–1940 гг., о котором В.Н. Павлов, работавший тогда первым секретарём полпредства, писал следующее: «Вскоре обнаружилось, что Шкварцев не умеет формулировать свои мысли на бумаге... Хуже было то, что он не имел ни малейшего представления о том, как следует вести свой разговор с иностранцами. Порой он говорил им всякие глупости»².

С другой стороны, Майский, прослуживший в Лондоне одиннадцать лет. Это большой срок с любой точки зрения. Даже Молотов, скупой на положительные оценки своих сотрудников, говорил по адресу Майского «способный». Конечно, немалую роль здесь играл субъективный фактор: прекрасное образование, целеустремлённость, честолюбие, организованность. Сам Майский писал: «...в моей жизни было сравнительно много «элементов плановости». Я умел ставить себе определённые задачи, иной раз рассчитанные на годы, и осуществлять их. В моём характере есть известные настойчивость и организованность»³.

Майский смог занять уникальное положение в дипломатическом корпусе в Лондоне, установить доверительные отношения с британскими политиками Черчиллем, Иденом, Бивербруком, Криппсом и др. Современный исследователь отмечает: «Майский был интересным и знающим собеседником. Черчилль ценил в нём умение не только самостоятельно мыслить, но и высказывать суждения, которые были порой отличны от официальной позиции Кремля»⁴.

Майский внёс значительный вклад в развитие отношений СССР и Великобритании. А.И. Микоян, поздравляя Майского с 85-летием писал:

«Вы так успешно и достойно осуществляли представительство страны Советов в Англии. Ваша работа там сыграла важную роль не только в успешном налаживании отношений с Англией, но и содействовала делу поставок материалов, необходимых для снабжения Советской Армии»⁵.

Однако не следует идеализировать личность Майского. В его деятельности были упущения и ошибки. Так, он явно преувеличивал просоветские настроения у ведущих британских политиков. Майский писал: «У Идена несомненно много добрых намерений, и в его искренности по части англо-советского альянса я не имею оснований сомневаться»⁶. В то время, когда писались эти строки, на столе у Сталина лежал секретный меморандум Идена от 28 января 1942 г., полученный по линии «кембриджской пятёрки», где чётко говорилось о предпочтении британским правительством «англо-американского сотрудничества». Некоторое время спустя Сталин смог ознакомиться с докладом британского Штаба военного планирования, где главным врагом Англии назван СССР⁷.

Размышляя и рассуждая о послевоенной Европе и судьбах Германии после войны, Майский не проявил должной дальновидности, не смог заглянуть за горизонт, как это умел делать, например Черчилль. Майский не мог осознать, что после войны с Германией начнётся борьба за Германию. В этих условиях репрессивный подход, который он представлял в своих многочисленных записках (5 млн. немцев на принудительных работах в СССР и т.п.), был совершенно неприемлем после окончания второй мировой войны.

В июне 1946 г. Политбюро приняло подготовленные Сталиным Директивы о Германии. В этом документе, в частности, говорилось: «...чувство мести по отношению к Германии было бы плохим советчиком. Следует иметь в виду, что Германия является членом мировой экономики и мировой торговли... Было бы ошибкой брать курс на уничтожение Германии как государства и превращение её в аграрную страну... Задача состоит не в том, чтобы уничтожить Германию, а в том, чтобы позволить ей стать единой, демократической, миролюбивой страной с развитой индустрией, сельским хозяйством и внешней торговлей... Планы разделения Германии на отдельные автономные государства или отделение Рурской области нереалистичны и опасны»⁸.

Ни один из этих тезисов не получил хоть какого-то отражения в документах комиссии Майского. Так или иначе, но работа Майского на германском направлении не принесла ему удовлетворения и поэтому, очевидно, не затрагивается в его мемуарах.

Что касается мемуаров, то время расставило всё на свои места. Публикации в последние годы служебной и личной переписки Майского, его

«Дневника дипломата» позволили представить более многосторонне и выпукло фигуру этого дипломата. В своих письмах Майский сформулировал принципы, на которые он опирался при написании воспоминаний: мемуары как орудие идеологической борьбы, готовность внести изменения «по указанию ЦК» и мемуарно-полубеллетристический стиль изложения, приемлемый для западного читателя. Поэтому не вызывает удивления краткая издательская аннотация ко второму изданию книги «Воспоминания советского дипломата. 1925–1945» (М., 1987), в которой говорится следующее: «Предлагаемая книга является по существу историческим трудом, содержащим достоверные факты и их последовательно классовый анализ. По форме – это ярко написанная публицистическая работа... Для массового читателя» (с. 2). Ни слова о том, что это мемуары.

У Майского не сложились отношения с коллегами по цеху, сотрудниками дипломатической службы СССР. В.В. Соколов, автор ряда работ о советских дипломатах, отмечал: «Надо признать, что новое поколение советских дипломатов, пришедших в Наркоминдел после проведённых «чисток» 30-х годов, несколько недоброжелательно относились к М.М. Литвинову и его соратникам по дипломатической работе (Майскому и Коллонтай)»⁹.

Покидая МИД, Майский намеревался сохранить свои отношения с этой организацией в интересах тех научных изысканий, которые он планировал осуществить. В мае 1946 г. он писал Сталину: «Проработав в НКВД 22 года, я естественно не хотел бы совсем порывать с Министерством иностранных дел»¹⁰.

Но как показали дальнейшие события, отношения с МИД у Майского налаживались плохо. Трудно объяснить, с чем это было связано. МИД фактически был главным тормозом на пути подготовки и публикации Майским его дипломатических воспоминаний. Это выражалось в отказе допустить к архивным материалам, в обвинении автора в преувеличении своей роли в осуществлении внешней политики. При этом, правда, забывалось, что любой мемуарист стремится представить себя более значимым, чем он был на самом деле. Не было исключением из общего правила и Майский. Он даже своё увольнение с дипломатической службы связывал с проблемами большой политики. Он писал: «Думаю, что в истории со мной известную роль сыграли и внешнеполитические соображения: показать Англии, что твёрдо взят курс против неё, поскольку в Англии считают меня сторонником англо-советского сближения. Имела значение и речь Черчилля в Фултоне»¹¹.

Но «недоброжелатель» Майского В.В. Семёнов объяснял более приземленно: «Была создана комиссия по репарациям во главе с И.М. Май-

ским, но результаты её работы были забракованы, а Майский был убран из НКВД в академики»¹².

В огромном эпистолярном наследии Майского за послевоенные годы практически отсутствует переписка с дипломатами, кроме Литвинова и Коллонтай. Нет личной переписки ни с Молотовым, который пережил Майского почти на десять лет, ни с Громыко, ни с теми, кто занимал посольский пост в Лондоне после него.

Поэтому не удивительно, что в чествованиях академика И.М. Майского в связи с 80-летием, 85-летием и 90-летием со дня рождения Министерство иностранных дел участия не принимало.

И лишь много лет спустя, выступая в Лондоне на научном семинаре, посвящённом Черчиллю, посол Российской Федерации Г.Б. Карасин сказал, что опыт работы на этом посту его предшественника Майского, несмотря на 70-летнюю давность, остаётся актуальным и поучительным и по сей день¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вместо предисловия

¹ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Лондон 1934–1943 : в 2 кн. Кн. 1 : 1934 – 3 сентября 1939. М. : Наука, 2006; Кн. 2 : 1939–1943. М. : Наука, 2009. Ч. 1, 2.

² *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами : в 2 кн. М. : Наука, 2005; *Майский И.М.* Избранная переписка с иностранными корреспондентами : в 2 кн. М. : Наука, 2011-2012.

³ *Майский И.М.* Избранная переписка с иностранными корреспондентами. Кн. 1. С. 6

⁴ *Документы* внешней политики СССР. М., 1969–1980. Т. IX–XXI; *Документы* внешней политики. М., 1989–2000. Т. XXII–XXIV; *Англо-советские* отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1984. Т. 1–2; СССР и Германский вопрос. 1941–1949. М., 1996–2000. Т. 1–2.

⁵ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. М., 2005. Кн. 1. С. 168.

⁶ *Майский И.М.* Современная Монголия. Иркутск, 1921 г. Переиздание: Монголия накануне революции. М., 1959.

⁷ *Майский И.М.* Избранная переписка с иностранными корреспондентами. Т. I. С. 40.

⁸ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 1. С. 40.

⁹ Там же. С. 89.

Глава 1. Начало дипломатической карьеры. 1922–1931 гг.

¹ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. М., 2005. Кн. 1. С. 307.

² Там же. С. 170.

³ Там же. С. 473, прим. 13.

⁴ Там же. С. 185.

⁵ Там же. С. 190.

⁶ Там же. С. 475, прим. 5.

⁷ *Судебный* процесс над социалистами-революционерами : сборник документов. М., 2002. С. 358.

⁸ Там же. С. 719.

⁹ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 289.

¹⁰ *Майский И.М.* Советская Россия и капиталистический мир. Гаагская конференция. М., 1923; *Он же.* Внешняя политика РСФСР. 1917–1922. М., 1923.

- ¹¹ *Беседа* с академиком И.М. Майским // Новая и новейшая история. 1969. № 4. С. 180; *Майский И.М.* Семь номеров // Знамя. 1965. № 7. С. 192.
- ¹² *Избранная* переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 484, прим. 4.
- ¹³ *Чуковский К.И.* Дневник 1901–1929. М., 1991. С. 302.
- ¹⁴ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 480–481.
- ¹⁵ Там же. С. 218–219.
- ¹⁶ Там же. С. 256.
- ¹⁷ *Новая* и новейшая история. 1969. № 4. С. 182.
- ¹⁸ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 254.
- ¹⁹ Там же. С. 269.
- ²⁰ Там же. С. 263.
- ²¹ Там же. С. 262.
- ²² Там же. С. 276.
- ²³ Там же. С. 275.
- ²⁴ Там же. С. 266.
- ²⁵ Там же. С. 268.
- ²⁶ *Беседовский Г.* На путях к Термидору. М., 1997. С. 178.
- ²⁷ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 280.
- ²⁸ ВКП(б), Коминтерн и Япония 1917–1941. М., 1997. С. 21–22.
- ²⁹ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 291.
- ³⁰ Там же. С. 336.
- ³¹ Там же. С. 297.
- ³² Там же. С. 326, 355.
- ³³ Там же. С. 284, 292.
- ³⁴ Там же. С. 294.
- ³⁵ *Очерки* истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. М., 2002. Т. 2. С. 210.
- ³⁶ *Документы* внешней политики СССР (в дальнейшем ДВП). Т. 10. С. 592.
- ³⁷ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 283–284.
- ³⁸ *Молодяков В.* Россия и Япония поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005. С. 301–302.
- ³⁹ Там же. С. 312.
- ⁴⁰ Там же. С. 313.
- ⁴¹ *Кутаков Л.И.* История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 87–89.

- ⁴² Там же. С. 92.
- ⁴³ *Беседовский Г.* Указ. соч. С. 167, 173.
- ⁴⁴ *Молодяков В.* Указ. соч. С. 309.
- ⁴⁵ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 325.
- ⁴⁶ *Светлов В.* Происхождение капиталистической Японии. М. ; Л., 1931; *Тайгин И.* Японские силуэты. М., 1931.
- ⁴⁷ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 302.
- ⁴⁸ Там же. С. 294.
- ⁴⁹ Там же. С. 294, 305.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. С. 329–330.
- ⁵² Там же. С. 330.
- ⁵³ *Майский И.М.* Избранная переписка с иностранными корреспондентами. Кн. 1. С. 110.
- ⁵⁴ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 370.
- ⁵⁵ Там же. С. 373.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. С. 356.
- ⁵⁸ Там же. С. 362.
- ⁵⁹ Там же. С. 357, 364.
- ⁶⁰ *Коллонтай А.М.* Дипломатический дневник. М., 2001. Т. 2. С. 125–126.
- ⁶¹ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 372.
- ⁶² Там же. С. 384.
- ⁶³ *Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа.* Решения Особой папки. М., 2000. С. 286.
- ⁶⁴ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 369.
- ⁶⁵ Там же. С. 387.

Глава 2. Работа в Лондоне. 1932–1941 гг.

- ¹ *Очерки истории* Министерства иностранных дел России. Т. 2. С. 180.
- ² *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 428.
- ³ *Соколов В.В.* И.М. Майский между Сталиным и Черчиллем в первые месяцы войны // Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 22.
- ⁴ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Т. 1 С. 5.

- ⁵ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1968. Т. 1–3.
- ⁶ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 89.
- ⁷ Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 126.
- ⁸ Там же. Кн. 1. С. 352.
- ⁹ Майский И.М. Воспоминания советского посла в Англии. М., 1960.
- ¹⁰ Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 400–401.
- ¹¹ Там же. С. 398–399.
- ¹² Там же. С. 414.
- ¹³ Там же. С. 430.
- ¹⁴ Там же. Кн. 2. С. 28.
- ¹⁵ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн. 1. С. 84.
- ¹⁶ Там же. С. 79.
- ¹⁷ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения Особой папки. 1029–1939. М., 2001. С. 381.
- ¹⁸ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн. 1. С. 85.
- ¹⁹ Майский И.М. О мемуарах Идена // Мировая экономика и международные отношения. 1969. № 11. С. 73.
- ²⁰ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн. 1. С. 97.
- ²¹ Там же. С. 143.
- ²² Там же. С. 140.
- ²³ Там же. С. 143–144.
- ²⁴ Там же. С. 149–150.
- ²⁵ Майский И.М. Испанские тетради. М., 1962.
- ²⁶ Майский И.М. Избранная переписка с иностранными корреспондентами. Кн. 1. С. 144.
- ²⁷ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн. 1. С. 188, 225.
- ²⁸ Майский И.М. Избранная переписка с иностранными корреспондентами. Кн. 1. С. 312.
- ²⁹ Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. С. 201.
- ³⁰ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн. 1. С. 192, 213.
- ³¹ Там же. С. 223.
- ³² Там же. С. 239.
- ³³ Там же. С. 259.
- ³⁴ Там же. С. 273.
- ³⁵ Там же. С. 285.
- ³⁶ Там же. С. 292.
- ³⁷ Новая и новейшая история. № 6. С. 103–104.

- ³⁸ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 296.
- ³⁹ Там же. С. 314.
- ⁴⁰ *Поздеева Л.В.* Дневник Майского о британской политике 1938–1939 // Новая и новейшая история. 2001. № 3; *Она же.* Британская политика по дневникам советского посла И.М. Майского (из записей 1938–1939 гг.) // Россия и Британия. М., 2003. Вып. 3; *Она же.* СССР и Великобритания (по страницам дневника И.М. Майского. 1941–1943) // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001; *Она же.* И.М. Майский и Иден // Новая и новейшая история. 2008. № 1.
- ⁴¹ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 325.
- ⁴² Там же. С. 341, 490, прим. 14.
- ⁴³ Там же. С. 343.
- ⁴⁴ Там же. С. 348.
- ⁴⁵ Там же. С. 358–359.
- ⁴⁶ *Стегний П., Соколов В.* И.М. Майский: свидетельство очевидца (к 60-летию начала второй мировой войны) // Международная жизнь. 1999. № 8. С. 85.
- ⁴⁷ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 375, 425.
- ⁴⁸ Там же. С. 434–435.
- ⁴⁹ Там же. С. 441.
- ⁵⁰ Там же. С. 433.
- ⁵¹ Там же. С. 442–443.
- ⁵² Там же. С. 445.
- ⁵³ Там же. С. 446.
- ⁵⁴ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 1. С. 40.
- ⁵⁵ Там же. С. 75.
- ⁵⁶ Там же. С. 122.
- ⁵⁷ Там же. С. 126.
- ⁵⁸ Там же. С. 132.
- ⁵⁹ Там же. С. 133.
- ⁶⁰ *Документы* внешней политики. Т. XXIII, ч. 1. С. 102.
- ⁶¹ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 1. С. 11.
- ⁶² Там же. С. 267.
- ⁶³ Там же. С. 386, 387, 389, 390–391.
- ⁶⁴ Там же. С. 386.
- ⁶⁵ Там же. С. 387.
- ⁶⁶ Там же. С. 407–408.
- ⁶⁷ Там же. С. 410, 412.
- ⁶⁸ Цит. по: *Россия и Британия.* Вып. 3. М., 2003. С. 216.
- ⁶⁹ См.: *Вишлев О.В.* Накануне 22 июня 1941 г. М., 2001. С. 91.
- ⁷⁰ *Россия и Британия.* М., 2003. Вып. 3. С. 216.

Глава 3. «Звёздный час». Лондон. 22 июня 1941–1943 гг.

- ¹ *Международная жизнь*. 2001. № 8. С. 61.
- ² *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 6; *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. М., 2004. С. 14.
- ³ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2 С. 38.
- ⁴ Там же. С. 40.
- ⁵ Там же. С. 43.
- ⁶ Там же. С. 78.
- ⁷ Там же. С. 58–59.
- ⁸ *Майский И.М.* Избранная переписка с иностранными корреспондентами. Кн. 1. С. 592.
- ⁹ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 186.
- ¹⁰ Там же. С. 96.
- ¹¹ Там же. С. 97.
- ¹² Там же. С. 108.
- ¹³ *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата. М., 1987. С. 683.
- ¹⁴ *Международная жизнь*. 2001. № 8. С. 62–65.
- ¹⁵ Там же. С. 67.
- ¹⁶ Там же. С. 66.
- ¹⁷ Там же. С. 67.
- ¹⁸ *Ржешевский О.А.* Уинстон Черчилль в Москве. (1942 г.) // Россия и Британия. М., 2003. Вып. 3. С. 192.
- ¹⁹ *Международная жизнь*. 2001. № 8. С. 68.
- ²⁰ *Новая и новейшая история*. 2005. № 1. С. 146.
- ²¹ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 166.
- ²² Там же. С. 189–190.
- ²³ Там же. С. 202.
- ²⁴ Там же. С. 236–241.
- ²⁵ Там же. С. 236.
- ²⁶ *Поздеева Л.В.* Майский И.М. и Иден // *Новая и новейшая история*. 2008. № 1. С. 178.
- ²⁷ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 206–207.
- ²⁸ См.: *Источник*. 1995. № 4. С. 124–144.
- ²⁹ *Майский И.М.* Избранная переписка с иностранными корреспондентами. М., 2012. Кн. 2. С. 8.
- ³⁰ *Новая и новейшая история*. 2002. № 4. С. 90.
- ³¹ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 369, прим. 70.
- ³² *Павлов В.* Автобиографические заметки // *Новая и новейшая история*. 2000. № 4. С. 108.
- ³³ *СССР и германский вопрос. 1941–1949.* М., 2000. Т. 1. С. 185.

³⁴ *Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. М., 2002. Т. 2. С. 278.*

³⁵ *Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами. М., 2005. Кн. 2. С. 134.*

Глава 4. На германском направлении. 1943–1946 гг.

¹ *Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. М., 1966. С. 371.*

² *Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. С. 309.*

³ *СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. М., 2000. Т. 1. С. 322.*

⁴ Там же. С. 257, 292, 452.

⁵ *Майский И.М. Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 186.*

⁶ *Филитов А.М. В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война : актуальные проблемы. М., 1995. С. 55–56.*

⁷ *Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. С. 310.*

⁸ *Кынин Г.П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании 1944–1945 // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 117.*

⁹ *СССР и германский вопрос... Т. 1. С. 21.*

¹⁰ Там же. С. 352.

¹¹ *Филитов А.М. Указ. соч. С. 65.*

¹² *СССР и германский вопрос... Т. 1. С. 511–514.*

¹³ Там же. С. 567–568.

¹⁴ Там же. С. 579.

¹⁵ Там же. С. 590–598.

¹⁶ Там же. С. 601–605.

¹⁷ *Советско-американские отношения. 1939–1945. М., 2004. С. 617.*

¹⁸ *Крымская конференция руководителей трёх союзных держав : сборник документов. М., 1979. С. 70.*

¹⁹ *Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 529, прим. 2.*

²⁰ *Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. С. 497.*

²¹ *Крымская конференция... С. 70–72.*

²² Там же. С. 74–75.

²³ Там же. С. 106–107.

²⁴ Там же. С. 76.

²⁵ Там же. С. 253–254.

²⁶ *Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 161.*

²⁷ *Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., 1995. С. 120.*

²⁸ Коваль К.И. Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне. М., 1997. С. 60, 68.

²⁹ Печатнов В.О. От союза – к холодной войне. Советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М., 2006. С. 33.

³⁰ Коваль К.И. Указ. соч. С. 79.

³¹ СССР и германский вопрос... Т. 2. С. 180.

³² Советско-американские отношения. 1939–1945. М., 2004. С. 670.

³³ Там же. С. 685.

³⁴ Там же. С. 69, 698.

³⁵ СССР и германский вопрос... Т. 2. С. 164–165.

³⁶ Там же. С. 726, прим. 43.

³⁷ Там же. С. 725, прим. 40.

³⁸ Там же. Т. 2. С. 162.

³⁹ Коваль К.И. Указ. соч. С. 192.

⁴⁰ СССР и германский вопрос... Т. 2. С. 187.

⁴¹ Берлинская (Потсдамская) конференция : сборник документов. М., 1980. С. 211.

⁴² Там же. С. 241–242.

⁴³ Там же. С. 247–255.

⁴⁴ Там же. С. 467–468.

⁴⁵ СССР и германский вопрос... Т. 2. С. 197.

⁴⁶ Коваль К.И. Указ. соч. С. 270.

⁴⁷ СССР и германский вопрос... Т. 2. С. 735, прим. 87.

⁴⁸ Там же. С. 803, прим. 362.

⁴⁹ Павлов В.Н. Указ. соч. С. 116.

⁵⁰ Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 116.

⁵¹ Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 172.

⁵² Там же. С. 173.

Глава 5. «Осень патриарха»: И.М. Майский и его мемуары. 1947–1975 гг.

¹ Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 316.

² Там же. С. 322.

³ Там же. С. 254.

⁴ Там же. С. 560.

⁵ Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 411.

⁶ Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950. М., 1997. С. 537, 590.

- ⁷ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 247–248.
- ⁸ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 323–324.
- ⁹ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 269.
- ¹⁰ Там же. С. 367.
- ¹¹ Там же. С. 237–238.
- ¹² *Президиум ЦК КПСС.* 1954–1964. Черновые протоколы. Записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. М., 2008. С. 230, 994.
- ¹³ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 307–308.
- ¹⁴ Там же. С. 309.
- ¹⁵ Там же. С. 270.
- ¹⁶ Там же. С. 563.
- ¹⁷ Там же. С. 313.
- ¹⁸ Там же. С. 269.
- ¹⁹ Там же. С. 398.
- ²⁰ Там же. С. 561.
- ²¹ Там же. С. 339.
- ²² Там же. С. 566, прил. 1.
- ²³ Там же. С. 339.
- ²⁴ Там же. С. 566, прил. 1.
- ²⁵ Там же. С. 364.
- ²⁶ *Майский И.М.* Избранная переписка с иностранными корреспондентами. Кн. 2. М., 2012. С. 307.
- ²⁷ *Майский И.М.* Ответ английским критикам // Новое и новейшее время. 1964. № 21. С. 26–27.
- ²⁸ Там же. С. 28.
- ²⁹ Цит. по: *Неганов В.Ф.* Академик И.М. Майский – дипломат, историк, мемуарист // Из истории Европы в новое и новейшее время. К 100-летию со дня рождения академика И.М. Майского. М., 1984. С. 54.
- ³⁰ *Правда.* 31 марта 1966 г.
- ³¹ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 432.
- ³² Там же. С. 456.
- ³³ Там же. С. 494.
- ³⁴ *Новая и новейшая история.* 1975. № 1 и 2.
- ³⁵ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 496–497.

Послесловие

¹ Чуев Ф. Указ. соч. С. 134.

² *Новая и новейшая история*. 2000. № 4. С. 103–104.

³ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 323–324.

⁴ *Новая и новейшая история*. 2007. № 4. С. 90.

⁵ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 459.

⁶ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 242.

⁷ *Новая и новейшая история*. 1998. № 1. С. 95–99.

⁸ *СССР и германский вопрос. 1941–1949*. Т. 2. С. 807–808, прим. 382.

⁹ *Новая и новейшая история*. 2002. № 6. С. 90.

¹⁰ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 172.

¹¹ *СССР и германский вопрос. 1941–1949*. Т. 2. С. 803, прим. 362.

¹² *Новая и новейшая история*. 2004. № 4. С. 116.

¹³ Там же. С. 89.

Научное издание

Борис Степанович Жигалов

**И.М. МАЙСКИЙ: ПОРТРЕТ СОВЕТСКОГО ДИПЛОМАТА
ПО МАТЕРИАЛАМ ЕГО «ДНЕВНИКА»,
ПИСЕМ И МЕМУАРОВ**

Редактор – Е.Г. Шумская
Компьютерная верстка А.И. Лелюю
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано к печати 11.07.2014 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 5,3.

Тираж 250 экз. Заказ № 446.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–53-15-28

ISBN 978-5-94621-381-3

9 785946 213813